

Пётр I и Карл XII на полях под Полтавой (сравнительный анализ полководческого искусства)

Итог Полтавской битвы 27 июня 1709 г. потряс воображение современников. Потерпела решительный разгром, а на третий день покорно сдалась в плен без какого-либо противодействия на берегу Днепра образцовая шведская армия, в победе которой над регулярной армией Петра I в Европе мало кто сомневался. Битва при Полтаве интересна не только своим впечатляющим результатом – полным разгромом и пленением шведской армии при самых минимальных потерях русской стороны, но и тем, что на поле брани столкнулись две военные концепции, две столь отличные друг от друга тактические модели организации генеральной баталии. Носителем одной из них был не знавший дотоле поражений в полевых сражениях "северный лев" – король Швеции Карл XII. Другую модель ведения баталии в условиях линейной тактики воплотил в битве под Полтавой русский царь Пётр I.

Карл XII, этот, можно сказать, воплотившийся Марс, сделал войну своим ремеслом с 17-летнего возраста (с начала в 1700 г. Великой Северной войны). Постепенно в полководческой практике "северного льва" выработался некий шаблон, своего рода полководческая концепция. Согласно сложившейся у него тактической схеме полевого сражения, численно уступающее противнику, но превосходящее его боевым духом шведское войско настигает неприятельскую армию. У противника удобная укрепленная позиция, большое превосходство в артиллерии. Эти преимущества врага не смущают шведов. Они выстраивают боевые порядки и стремительно атакуют. Дружный натиск шведских полков ломает сопротивление неприятеля, и разбитый противник спасается бегством. Большое место Карл XII отводил фактору внезапного нападения на неприятеля. О вере короля в божественное предопределение его жизненного пути писал его личный гвардеец К. де Турвиль, находившийся рядом с монархом во время роковой для него битвы 27 июня 1709 г.: "Он верил лишь в себя и казался великим сам по себе; его доблесть и его гений как будто делали судьбу его же оружием"¹. Француз-гвардеец усматривал в действиях короля "огонь злопамятства к царю", его "непреклонное желание отомстить"². Пребывая в Бендерах, уже после поражения под Полтавой, Карл XII при многих свидетелях в своей Походной канцелярии говорил: "Или счастье своё найдёт, или королём не будет"³. Историк С. Уредссон отметил у Карла XII, наряду с фатализмом, склонность к крайним, радикальным решениям⁴. Не случайно Карл XII не посетил ни разу после 1700 г. свою столицу. Надо думать, он желал это сделать только после победоносного завершения войны. Своего счастья король-воин так и не нашёл, пав, сражённый картечью, под стенами осаждённой в Норвегии крепости 30 ноября 1718 г.

Осведомлённый современник британский посланник при русском дворе Ч. Уитворт дал в своей сентябрьской депеше 1708 г., за девять месяцев до Полтавской битвы, весьма проницательную характеристику Карлу XII как полководцу. По его сведениям, шведский король стремился следовать в первую очередь примеру своего предшественника на троне Густава II Адольфа (1611–1632). Жизнь и деяния последнего, как слышал британский дипломат, "он только и изучает, стараясь подражать ему во всём". Полагая, что следует опыту великого короля-полководца, он "всегда относился с полным пренебрежением к устройству магазинов и к артиллерии и до сих пор успешно обходился без дорогих и тяжелых обозов"⁵.

На полях под Полтавой Карл XII рассчитывал вновь воспроизвести тактическую схему триумфальной для него битвы при Нарве 1700 г. Король желал добиться одной

внезапной атакой на укрепленные позиции главных сил русской армии молниеносного стратегического успеха и завершить войну на продиктованных им условиях. Об этом ясно свидетельствует его послание шведской Комиссии по обороне от 10 июля 1709 г. из турецкого Очакова. Покинувший армию и пересекший границу нейтральной Турции король написал тогда следующее: "...предполагалось получить в короткий срок такой перевес над неприятелем, чтобы он был вынужден пойти на мир, какой от него потребуют"⁶. Усвоенный ранее полководческий шаблон не принёс лавров Карлу XII близ осажденной им Полтавы. Следование ему 27 июня 1709 г. изначально носило характер авантюры и закономерно имело финалом катастрофу.

Итак, перейдём к сопоставлению полководческого искусства Петра I и Карла XII в грандиозной битве, состоявшейся 27 июня 1709 г.

Во-первых, армия Петра I заняла выгодную для обороны и наступления позицию на местности и провела её основательное инженерное укрепление. На плоской возвышенности, имевшей пологий наклон к западу, за лесом, отделявшим его от расположения шведских войск, был сооружён 25–26 июня земляной лагерь – ретраншемент. В нём была размещена вся регулярная пехота с полковыми пушками и вся полевая артиллерия. Для укрепленного лагеря было выбрано, надо полагать, наилучшее из всех возможных местоположение. С востока ретраншемент примыкал к обрывистому спуску к полноводной реке Ворскле, протекавшей несколькими протоками по широкой пойме. Отрезать армию от воды – простейший путь к её быстрой капитуляции – было невозможно. Надёжную защиту от внезапного нападения с трёх других сторон представляли 13 реданов, 2 угловых бастиона и 2 полубастиона внешних укреплений лагеря, промежутки между которыми были забросаны рогатками⁷.

Место расположения регулярной кавалерии на поле с запада от ретраншемента тоже было прикрыто линией из 6-ти редутов, которые полностью перекрывали прогалину между двумя лесными массивами – единственный возможный для шведов путь атаки. В ночь на 26 июня была сооружена линия ещё из 4-х вынесенных вперёд редутов. Как показал А.А. Васильев, гарнизон редутов составляли 6-ть пехотных полков, насчитывавших в своём составе 4730 чел.⁸, то есть это была сильная крепость на вероятном пути наступления со стороны шведов.

Созданная комбинация полевых укреплений, наилучшим образом учитывавшая рельеф местности, при наличии соответствующих мер поддержания постоянной боеготовности дала возможность снять опасность внезапного нападения. Столь выгодное и столь разветвлённое инженерное оборудование занимаемых русской армией позиций сыграло огромную роль в достижении победы над образцовой шведской армией. А.Д. Меншиков, командовавший русскими войсками в сражении у редутов, подытожил его результаты в письме великому коронному гетману А.Н. Сенявскому. Письмо датировано 10 июля 1709 г. В нём говорится: "...мы так счастливо разбили неприятеля, что не только с большим конфузом отступить, но и всю свою силу он принужден был разделить, не имея возможности без главной баталии вернуться к своему обозу"⁹.

Во-вторых, Пётр I полагал, что для исхода предстоявшей битвы огромное значение имеет артиллерия. Карл XII же ввёл в баталию ничтожное количество артиллерийских орудий: в атаковавшем россиян корпусе войск имелось всего 4 небольших полковых пушки 3-фунтового калибра. Больше артиллерии шведский король не взял, надо полагать, чтобы не снижать темпа атаки при запланированном им внезапном нападении. Ещё 2 шведские, если можно так сказать, "солдатские игрушки" полуфунтового калибра действовали из окопов под осажденной Полтавой. Эти две миниатюрные пушечки были захвачены в ходе баталии гарнизоном крепости во время

вылазки. Как показано недавно, с русской стороны в битве были задействованы не 102 пушки (традиционные с 1959 г. в историографии цифры), но не менее 310 артиллерийских орудий. Это 32 полевых, 37 полковых, 20 гвардейской бригады, 17 драгунских орудий, 20 пушек-мортир (для стрельбы 3-фунтовыми ядрами и 6-фунтовыми гранатами), 156 переносных 6-фунтового калибра мортир и 28 орудий гарнизона Полтавы¹⁰. Как итог войска Петра I имели в битве подавляющее превосходство над шведами в артиллерии: более чем в 50 раз. Карл XII не один раз имел случай пожалеть об отправлении им основной части артиллерии в обоз. Эта артиллерия (35 пушек; к 5-ти из них не было снарядов¹¹), не сделав ни одного выстрела под Полтавой, стала лёгкой добычей русской армии на берегу Днепра при Переволочне спустя три дня.

Наступавшая шведская армия четырежды подверглась русскому массированному артиллерийскому удару. В первый раз это произошло во время сражения у редутов. Второй артиллерийский удар получила шведская кавалерия из орудий, сосредоточенных в ретраншементе, когда попыталась преследовать отступавшую от редутов российскую конницу. В третий раз массированный артиллерийский огонь был обрушен на шведов при самоубийственном наступлении 10-ти батальонов под командованием генерала А.Л. Лёвенгаупта на ретраншемент. Наконец, на решающей фазе битвы – на поле перед русским укрепленным лагерем – шведская армия в четвёртый раз подверглась мощному орудийному обстрелу.

Каждый раз последствия русских артиллерийских ударов для шведов были самые тяжелые. Мимо редутов, встретивших каролинцев (соратников Карла XII) шквальным орудийным огнём, не смогли прорваться и погибли либо сдались в плен 6-ть из 18-ти двинутых в битву шведских батальонов – треть атаковавшей россиян пехоты! Получившая продольный огонь во фланг из ретраншемента шведская кавалерия вынуждена была прекратить преследование отступавшей русской конницы и уйти из зоны обстрела к западу. Шведская пехота А.Л. Лёвенгаупта была встречена огнём артиллерии с валов укрепленного лагеря россиян и отступила с немалыми потерями. Большой урон от огня артиллерии шведы претерпели и на главной фазе битвы при встречном сближении с первой линией русских войск. Сильнейшая орудийная стрельба из боевых порядков россиян на этой фазе баталии в немалой степени содействовала окончательному разгрому и бегству с поля брани остатков победоносных дотоле шведских войск. Артиллерийские удары, следовательно, гоняли шведскую армию, как бильярдный шар по полю.

Таким образом, недооценка Карлом XII значения артиллерийского огня на поле битвы имела самые пагубные последствия для шведской армии. Напротив, Пётр I добился с помощью массирования артиллерийского огня решения важных боевых задач, нанёс большой урон шведской армии.

В-третьих, Пётр I создал большое превосходство над шведской армией в численности личного состава; сумел создать сильные тактические резервы. Битва при Полтаве распалась на два больших сражения, несколько масштабных боёв, множество схваток, манёвров и др. На всех этапах битвы, во всех местах её протекания русские войска имели значительное численное превосходство – это огромная заслуга российского монарха, уверенно державшего нити управления баталией в своих руках. Созданный русской стороной перевес в численности регулярных войск придавал всем действиям шведов характер авантюры.

При завязке битвы в сражении у редутов рвавшуюся в первом наступательном порыве 17-тысячную шведскую армию во главе с королём "встретили" и "осадили назад" превосходящие силы россиян: 20-тысячная русская регулярная кавалерия, опиравшаяся на содействие почти 5-тысячного гарнизона редутов. В итоге грозная

армия каролинцев была вынуждена пройти у редутов первичное "воспитание" в упорном и продолжительном сражении. Если шведы имели всего 4 трёхфунтового калибра пушки, то им противостояла здесь многочисленная русская артиллерия: это в первую очередь большое количество расставленных на валах редутов мортир 6-фунтового калибра, закреплённых на деревянных станках. Такие артиллерийские орудия были особенно эффективны в ближнем бою. Соблазн заманить шведскую армию в приготовленную для неё ловушку – за линию поперечных редутов – был слишком велик, и после продолжительного сражения по приказу царя конница отступила от редутов, поддерживая в порядке боевой строй. Она заняла позицию к северо-западу от ретраншемента. Шведское же войско "с немалою тратою" пробилось в западню.

На решающей второй фазе битвы – в сражении на поле перед русским ретраншементом – превосходство над шведской армией было ещё более усилено. Русская армия выстроилась в две линии. Вторая линия служила ближайшим резервом. (Пехота из второй линии в бой так и не вступила.) Со шведской стороны первоначально в битву двинулось 7800 всадников регулярной кавалерии, 8170 пехотинцев, 30 артиллеристов и 1000 всадников нерегулярной валашской конницы¹². Однако из 18-ти шведских батальонов 6-ть (около 2600 чел.¹³) были отброшены от поперечной линии редутов назад, разгромлены, пленены и не участвовали в решающей схватке. С потерями за редуты пробилось и другие шведские части. Валашская же конница (1000 всадников), а также изменники-запорожцы и мазепинцы вообще не смогли прорваться за поперечную линию редутов. По самым оптимистичным (для шведов) прикидкам для решительной фазы битвы на поле перед русским ретраншементом Карл XII мог бы выставить 13 000 бойцов: до 7500 всадников, 5000–5500 пехотинцев¹⁴. Однако два батальона Вестманландского полка (850–900 чел.) не успели занять места в боевой линии (они успели стать только участниками общего бегства шведских войск)¹⁵. Обычно в боевой линии шведской пехоты считается только 4000–4500 чел.¹⁶

Арифметическое сложение, согласно архивной "Табели войску русскому", численности всех 19-ти полков пехоты (42 батальона), составивших первую и вторую линию, даёт 21 325 чел; с учётом 712 павших пехотинцев (по официальной печатной реляции) "списочный" состав российской пехоты на поле битвы будет равняться 22 037 чел. В 12-ти конных полках правого крыла, по "Табели войску русскому", насчитывалось 9824 всадника, в 6-ти полках левого крыла – 5339 всадников (всего 15 163); с учётом официально объявленного числа павших кавалеристов (623 чел.) суммарная "списочная" численность конницы поднимается до 15 786 всадников. Согласно другой архивной ведомости, в 12-ти полках правого крыла реально (не по полным "спискам", но исключая больных, раненых, пребывавших "в отлучках", а также всех штаб- и обер-офицеров) находились 7709 конников, на левом крыле – 4459; всего 12 168 чел.¹⁷ Реальная численность пехотинцев в двух линиях на поле битвы, по данным полковых переключек, ещё не выявлена. В первой редакции "Истории Свейской войны" есть слова (правда, вычеркнутые), что в первой линии российской пехоты "с 10 000 не обреталось"¹⁸. Судя по формулировке и числу с четырьмя нулями, это округлённые данные. Зачёркнуты же эти слова, надо полагать, не потому, что они не верны. Одной из задач "Истории" являлось создание как можно более выгодного пропагандистского представления в Европе о славной победе над шведами. Следовало поэтому лучше умолчать о не столь значительной для генеральной битвы численности первой линии русской пехоты, не заострять на этом внимание, и в последнюю редакцию "Истории" эти слова не были включены. Таким образом, русская пехота первой линии в решающий час битвы имела более чем двойное численное превосходство над выстроенными в линию 10-ю шведскими батальонами. Первая и

вторая линия русских пехотных и конных полков, взятые целиком, превосходили численностью на поле перед ретраншементом весь боевой порядок шведов приблизительно в 2,5 раза¹⁹.

Именно достигнутый Петром I численный перевес в пехоте и коннице позволил одержать победу с огромным запасом прочности (благодаря выделению многочисленных резервов) и малыми потерями. Количественное превосходство дало возможность царю создать более плотную и протяжённую боевую линию на решающей фазе баталии. Шведская пехотная линия, по расчётам П. Энглунда, равнялась 1400–1500 м, русская вытянулась более чем на два км²⁰. Российские войска в первой линии имели, в отличие от шведов, небольшие промежутки между батальонами и эскадронами. В пространные зазоры между шведскими батальонами в ходе битвы хлынули русские пехотинцы и конница и сумели окружить некоторые из них²¹. Более протяжённая длина боевой линии сделала возможным россиянам охватить противника с обоих флангов и выйти частью сил ему в тыл. Глубокий строй русской пехоты в пять рядов позволил придать большую устойчивость боевому порядку – он, вопреки господствующему поныне мифу, не был прорван шведами²².

П. Энглунд справедливо оценивает атаку 10-ти батальонов под командованием А.Л. Лёвенгаупта на русский укрепленный лагерь как "удалое, но совершенно изолированное нападение"²³. В литературе вопроса при этом не проводится одного разительного сопоставления. Сделать его позволяет изучение подлинного схематического плана размещения батальонов в российском ретраншементе 26 июня 1709 г. из Походной военной канцелярии Петра I. Оказывается, 10-ть батальонов шведов атаковали пребывавшие в полной боевой готовности 60 (!) русских батальонов (среди них 13-ть гвардейских)²⁴, имевших многочисленные полковые орудия, полный парк полевой артиллерии, укрепившихся за реданами и бастионами укрепленного лагеря. С северо-запада к ретраншементу примыкала уже разгоряченная боем 20-тысячная масса русской регулярной конницы. Она могла в самое ближайшее время атаковать во фланг и тыл занявшееся штурмом валов ретраншемента шведское воинство! Бежать (тем более отступать) шведам (не более 4500 чел.) в таком случае было бы некуда: за спиной редуты, впереди – ретраншемент, с севера и запада – атакующая российская кавалерия! Подобные просчёты противника, как показал опыт Полтавской битвы, Пётр I использовал, по его же выражению, "не теряя ни мгновения ока"²⁵. Иначе как самоубийственной атаку шведской пехотой А.Л. Лёвенгаупта укрепленного лагеря россиян в отрыве от собственной кавалерии, без штурмовых лестниц, при наличии не более как 4 пушек характеризовать нельзя. Стоит вспомнить, что шведам ранее не удалось взять ни одного из 8-ми полностью достроенных россиянами редутов.

В заключение следует подчеркнуть главное: А.Л. Лёвенгаупт не более как воплощал на практике разработанный под началом Карла XII на военном совете 26 июня замысел битвы. Согласно утверждённому плану, следовало, стремительно пройдя мимо редутов, ударить пехотой по ретраншементу россиян. Коннице ставилась задача охватить российский укрепленный лагерь с севера, чтобы рубить тех, кто попытался бы отступить или бежать из него на север к бродам через Ворсклу²⁶. Как показано выше, замысел Карла XII рассыпался в самом начале битвы. Буквальное следование ему А.Л. Лёвенгаупта носило характер явной авантюры – спасением для шведской пехоты стал полученный приказ отступить²⁷.

Следует добавить, что на всех других участках битвы, протекавшей на обширном пространстве, россияне имели численное превосходство над противником. Очевидно, Пётр I считал необходимым неукоснительно придерживаться этого подхода в битве со столь грозным противником.

Пётр I использовал также в ходе битвы и такие действенные полководческие приёмы, как охват боевых порядков неприятеля с флангов, выход ему частью сил в тыл, опробовал царь на шведах и разлагающее действие правила предложения противнику иллюзии "золотого моста" для отступления, и др.

Карл XII, напротив, допустил как полководец многочисленные просчёты, ставшие для шведской армии роковыми. По существу, они являются зеркальным отражением составных частей воинского искусства Петра I и его полководцев.

Во-первых, это явно излишняя ставка на фактор внезапности, – по сути, на удачу, которая и отвернулась от шведов в день решающей битвы. Россияне приняли меры, чтобы быть готовыми в любое время суток отразить наступление шведской армии.

Во-вторых, это недооценка значения русских полевых укреплений, стоившая шведскому воинству так дорого.

В-третьих, это столь явственное пренебрежение ролью артиллерии в полевом сражении.

В-четвёртых, это непонимание значения численного превосходства в личном составе над войсками противника. (Скорее, следует говорить о сознательном пренебрежении короля этим фактором.)

В-пятых, это отсутствие у шведского короля под рукой резервов. После того как на решающей фазе баталии в бегство обратились батальоны левого крыла шведских войск, приостановить начавшуюся катастрофу путём ввода в бой свежих сил король и его правая рука генерал-фельдмаршал К.Г. Рёншильд не имели возможности

В-шестых, Карл XII заложил в собственный план предстоявшей битвы, как оказалось, колоссальную недооценку противника. Он полагал, что поперечную линию редутов шведы преодолеют стремительно, без расстройств боевых порядков и заметных потерь. Оказалось, что этот замысел не только недооценивал степень боеготовности россиян, но и не предполагал наличия существовавшего у россиян плана активной обороны на этой позиции. В ещё большей степени сказанное относится к замыслу короля атаковать российский ретраншемент. Сообщения же, что русская пехота выходит из ретраншемента для общего наступления, застали Карла XII и К.Г. Рёншильда врасплох. Король и его генерал-фельдмаршал предполагали пассивное выжидание русскими атаки со стороны шведов в укрепленном лагере и даже послали в армейский обоз за подкреплениями²⁸.

В-седьмых, ни один известный источник не зафиксировал понимания шведским королём, его генералами или вообще кем-либо в шведской армии того, что после прорыва за линии русских редутов они с неизбежностью оказывались в положении столь очевидно предложенного им "золотого моста" для бегства. Пётр I же сознательно заготовил шведским солдатам столь "неотразимое искушение". Выработанное на опыте множества сражений античного мира и Средних веков это "правило" показало самую высокую действенность и на поле битвы перед русским ретраншементом 27 июня 1709 г. В "Гистории Свейской войны" об этом сказано ярко и с некоторой ехидцей над шведами: "...непобедимые господа шведы скоро хребет показали. И... без остоновки... шпагами и багинетами колоты и даже до... лесу, где оныя пред баталиею строились, гнаны"²⁹. В момент выбора между жизнью и смертью "непобедимые господа шведы" быстро распознали, где для них устроен единственный путь для бегства. Для большей части шведской пехоты мираж "золотого моста" к спасению от гибели либо плена оказался иллюзией.

Оба венценосных полководца стремились ради достижения победы использовать факт своего личного присутствия в баталии. Битва при Нарве 1700 г. стала ярким примером того, какое колоссальное влияние на войска оказывает

присутствие либо отсутствие монарха на эффективность действий армии. В битве 19 ноября 1700 г. эффективность боя шведских войск во главе с Карлом XII составила 76 %: каждая сотня каролинцев вывела из строя убитыми и ранеными в среднем по 76 русских. Царь, имевший тогда скромный чин капитана Бомбардирской роты Преображенского полка, не посчитал важным присутствовать в предстоявшей битве. Он покинул войска за день до баталии, предоставив возможность командовать полководцам. Пётр I явно не учёл того, что русские солдаты и офицеры воспринимали его вовсе не как командира роты бомбардиров, но как монарха, как воплощённый в человеке символ российской государственности. Надо полагать в этой связи, что не случайно эффективность действий русских войск в битве оказалась столь неожиданно низкой – всего 6 %³⁰. Напротив, в сражении при Калише 18 октября 1706 г. шведско-польские войска, бившиеся в отсутствие короля, показали отсутствие какой-либо эффективности – 0,03 %³¹. Карл XII во время Полтавской битвы постоянно сопровождал свои атакующие войска.

Пётр I появился в зоне огня на второй, решающей фазе битвы. Он, скорее всего, скакал вдоль первой линии русской пехоты, несколько позади, вдохновляя сражающиеся войска. Шведские солдаты вели прицельную стрельбу из ручного оружия по русскому венценосцу. В официальной реляции о битве сказано, что "шляпа на нем пулею прострелена"³². Пробитая шведской пулей шляпа царя, нагрудный медный щиток с глубокой вмятиной от прямого попадания неприятельской пули хранятся в собрании Эрмитажа³³. Третья шведская пуля оставила отметину в деревянном основании царского седла.

Вопрос об эффективности действий против неприятельских войск русских и шведских солдат – важнейший при размышлениях о заслугах или просчётах полководцев.

П. Энглунд писал, что русские потери убитыми, конечно, были выше официального объявленного числа. Историк справедливо указал, что в них не учтено неизвестное донныне число погибших в нерегулярных войсках. Он также полагал, что осталось не включенным и некоторое количество скончавшихся от ран³⁴. Согласно "Обстоятельной реляции", потери регулярной русской армии составили 1344 убитых и 3292 раненых³⁵. Есть возможность учесть архивные данные о скончавшихся от ранений и пропавших без вести по 13-ти конным полкам (из 29-ти активно действовавших в битве; без учёта простоявших в резерве). По пехотным же полкам ныне известно только о двух скончавшихся от ран в Великом Новгороде, то есть спустя немалый промежуток времени. С учётом этих данных документально подтвержденное число павших поднимется до 1496 чел.³⁶

Условно можно допустить, что регулярных и нерегулярных российских войск в битве при Полтаве погибло около 1750 чел. Следовательно, утверждение "Обстоятельной реляции", что победа на полях под Полтавой была одержана "малою кровию" вполне правдиво. Согласно "Обстоятельной реляции", "на боевом месте и у редут" насчитали 9224 тела павших неприятелей. Ещё 2973 строевого состава шведов попали в плен³⁷.

Если рассчитать и сопоставить эффективность русской и шведской армий на поле брани на предложенной новой фактической базе, то можно сделать дополнительные заключения о роли полководческого искусства в ходе генеральной баталии. В.А. Артамонов предложил вернуться к использованию в отечественных трудах по военной истории уже подзабытой старинной формулы: эффективность = потери противника павшими, ранеными и пленными / численность собственных войск³⁸.

Эффективность действий русской армии оправданно рассчитать, учитывая только реально действовавшие против неприятеля профессиональные войска. Это регулярная кавалерия (20 106 нижних чинов, без штаб- и обер-офицеров³⁹), гарнизоны редутов (4730 чел.), первая линия пехоты (10 000 чел.), высланные против отряда К.Г. Рууса 5 батальонов (2486 чел.)⁴⁰ и вышедшие из Полтавской крепости 4 батальона (2000 чел.)⁴¹. При таком раскладе эффективность русских войск будет равняться 31 %: каждая сотня сражавшихся вывела из строя 31 бойца шведской армии.

В качестве реально сражавшихся регулярных шведских войск следует считать 17 000 чел., действовавших вместе с королём, и около 950 чел., участвовавших в боях вблизи Полтавской крепости⁴². Эффективность шведских войск оказывается приблизительно столь же высокой – около 28 %! Прделанные расчёты ещё раз подчеркивают: шведские офицеры и солдаты показали на полях под Полтавой высокое воинское мастерство и мужество. Карл XII погубил на полях под Полтавой цвет шведского воинства, превосходную армию. Колоссальный урон шведской армии в великой битве 27 июня 1709 г. – это в немалой степени следствие, с одной стороны, именно высокого уровня полководческого искусства Петра I, а с другой стороны, многочисленных ошибок, допущенных Карлом XII как военачальником.

- ¹ Кротов П.А. Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII в Россию // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 130.
- ² Там же. С. 128, 130.
- ³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 905 (Новое собрание рукописной книги). Q. 344. Л. 3 об.–4. – Выписка из показаний сержанта драгунского полка Мейерфельта Фридриха Шульца, бежавшего из Бендер. 1710 г., февраль.
- ⁴ Уредссон С. Карл XII // Царь Пётр и король Карл: Два правителя и их народы. М., 1999. С. 42, 69, 70.
- ⁵ Сборник Русского императорского исторического общества. СПб., 1886. Т. 50. С. 61.
- ⁶ [Karl XII] Die eigenhändigen Briefe König Karl XII / Gesammelt und herausgegeben von E. Carlson. Berlin, 1894. S. 353.
- ⁷ Кротов П.А. "Наступающая крепость" Петра I в битве под Полтавой (К изучению инженерно-фортификационного обеспечения баталии) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2005 г.). СПб., 2005. С. 92–93.
- ⁸ Васильев А.А. О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении // Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 63.
- ⁹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 198 (А.Д. Меншиков). Оп. 1. Д. 1196. Л. 3. Перевод с польского яз.
- ¹⁰ Кротов П.А. Полководческое искусство Петра I и А.Д. Меншикова в Полтавской битве (К 300-летию Полтавской победы) // Меншиковские чтения – 2007. СПб., 2007. С. 62–68.
- ¹¹ Колосов Е.Е. Артиллерия в Полтавском сражении // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 100–101.
- ¹² Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 75.
- ¹³ Васильев А.А. О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении. С. 66.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 155.
- ¹⁶ Беспалов А.В. "Преславная виктория". 295-летию Полтавского сражения посвящается // Рейтар. 2004. № 7. С. 43; Frost R.I. The Northern wars: War, State and Society in Northeastern Europe. Harlow; L., 2000. P. 292.
- ¹⁷ Кротов П.А. "Совершенный камень во основание Санкт-Петербурга" (Полтавская битва: некоторые итоги и перспективы изучения) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы пятой ежегодной научной конференции (23–25 апреля 2003 г.). СПб., 2004. С. 77–79.
- ¹⁸ Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 163.
- ¹⁹ Считаю 12 168 всадников, 10 000 пехотинцев первой линии (24 батальона) и соответственно 7500 чел. в составе 18 батальонов второй линии (всего около 29 700 чел.).
- ²⁰ Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 153.
- ²¹ Там же. С. 179–182.
- ²² См.: Кротов П.А. П.Н. Крёкшин и сотворение мифов о Полтавской битве 1709 г. // Меншиковские чтения – 2006. СПб., 2006. С. 68–71.
- ²³ Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 116.
- ²⁴ Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук. Галерея Петра I. F° 266. Т. 3. Л. 81.
- ²⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1952. Т. 8, вып. 1. С. 7.
- ²⁶ О замысле битвы Карла XII см.: Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 63, 67–70.
- ²⁷ Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 116.
- ²⁸ Там же. С. 138–139, 151.
- ²⁹ Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). Вып. 1. С. 303.
- ³⁰ Артамонов В.А. Боевой дух армий России и Швеции 1700–1714 гг. (на материалах полевых сражений) // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв.: Материалы российско-финляндских симпозиумов историков. М., 2006. С. 153.
- ³¹ Там же. С. 156, 162.
- ³² Обстоятельная реляция о главной баталии меж войск Его Царского Величества российского и Королевского Величества швейцарского, учинившейся неподалеку от Полтавы // Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909 / Сост. В.Е. Борисовым, А.А. Балтийским, А.А. Носковым. СПб., 1909. С. 9.
- ³³ Peter den store och Karl XII i krig och fred: Katalog sammanställd av P. Sandin. S. I., 1998. S. 116.
- ³⁴ Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 223.
- ³⁵ Обстоятельная реляция о главной баталии меж войск Его Царского Величества российского и Королевского Величества швейцарского, учинившейся неподалеку от Полтавы // Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. С. 14.
- ³⁶ См.: Кротов П.А. Полтавская баталия: некоторые дискуссионные и неисследованные вопросы // XV конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М., 2004. С. 106–108.

³⁷ Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. С. 9, 11.

³⁸ *Артамонов В.А.* 1. Эффективность полевых сражений русской армии в Северной войне // От Нарвы к Ништадту: Петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг.: Сб. материалов Всероссийской научной конференции, посвящённой 280-летию со дня заключения Ништадтского мира. СПб., 2001. С. 8–9; 2. Боевой дух армий России и Швеции 1700–1714 гг. (На материалах полевых сражений). С. 147–164.

³⁹ В итоговую "Ведомость нижеписанных драгунских полков, которые были при Полтаве, сколько унтер-офицеров, капралов и з редовыми было на баталии и что ис того побито и затем ныне при полках" (всего 20 106 всадников; без штаб- и обер-офицеров) не включены Белгородский и Ростовский драгунские полки (Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 3187. Л. 1). Об их участии в битве упоминали в своих "сказках" три офицера и драгун, служившие в них в день баталии. По мнению автора, в итоговую ведомость их не внесли потому, что их участие в битве было пассивным: они простояли в резерве предположительно рядом с украинскими казаками у балки Побиванки. Ростовский драгунский полк "из-под Полтавы послан был за шведами до Переволочны к Днепру и... за шведским королем под Очаков". ([*Поликарпов Н.П.*] О войсковых частях, принимавших участие в "генеральной баталии" под гор. Полтавой 27-го июня 1709 года (по архивным изысканиям) // Военный сборник. 1909. № 5. С. 242–243, 247).

⁴⁰ *Васильев А.А.* О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении. С. 63–64.

⁴¹ *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 140–141.

⁴² Там же. С. 140–142.